

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС

подготовлено
для проекта

Эноб.

**Ядро экономики
«Капитала 3.0»**

Андрей Курпатов

Андрей Курпатов

**Интеллектуальный ресурс.
Ядро экономики «Капитала 3.0»**

«Автор»

2016

Курпатов А. В.

Интеллектуальный ресурс. Ядро экономики «Капитала 3.0»
/ А. В. Курпатов — «Автор», 2016

ISBN 978-5-9907585-7-5

Всё, во что мы привыкли верить, оказалось подложным – больше нельзя доверять банкам, биржевым аналитикам, заявлениям правительств, валютам и даже золоту. Станным образом сама природа экономических отношений претерпевает фундаментальные изменения. Долго ли еще проживет нынешняя экономическая модель, основанная на биржевых курсах, индексах агентств и загадочных деривативах? Останемся ли мы сами «экономическими агентами» в этой большой финансовой игре? В этой книге Андрей Курпатов рассказывает о том, что станет новой экономической силой, как изменятся правила игры, что ожидает нашу социальную матрицу... да и каждого из нас в отдельности.

ISBN 978-5-9907585-7-5

© Курпатов А. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Искусственное производство естественного интеллекта	5
Summary	10
Кризис «капитала 2.0». Навстречу новой реальности!	11
Мир Карла Маркса – мир «Капитала 1.0» – умер.	11
Категорически	
Похороны известного нам мира – мира «Капитала 2.0».	16
Литургия	
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Курпатов

Интеллектуальный ресурс.

Ядро экономики «Капитала 3.0»

Искусственное производство естественного интеллекта (предисловие автора)

Что входит в сферу жизненных интересов человека? Ответим на этот вопрос предельно прямо и просто: секс, деньги и, прошу прощения, понты. Звучит, конечно, так себе. Но это правда.

Всякий из нас – живое существо, и мы хотим жить. А как в современном мире выжить без денег? Да, кто-то хлеб на них покупает и утлый кров, а кто-то телохранителей и криозаморозку с возможностью последующего воскрешения, но суть от этого не меняется: деньги – это средство выживания, они нужны нам, чтобы жить. Поэтому, например, когда вы расстаетесь с деньгами, в вашем мозгу активизируются те его участки, которые непосредственно отвечают за чувство физической боли. Это инстинктивная реакция.

Живем же мы при этом не сами по себе, а в рамках неких социальных общностей – семья, тусовка, трудовой коллектив, страна и т. п., и в каждой тоже надо выживать, но уже иначе. Вовсе не просто так мы жаждем общественного признания, уважения коллег и любви близких: это дает нам уверенность, что они нас не изгонят, не затопчут и не распнут, как это за ними водится. Вот почему нам так важны «лайки» в соцсетях (признак одобрения), фильтры в Instagram (способ выглядеть «дороже») и поддержка «на дипломатическом приеме» (демонстрация любви, способной защищать). В общем, понятно, почему мы заняты бесконечным производством «понтов» – мы набиваем себе социальную цену: нам кажется, что чем дороже (во всех смыслах) мы выглядим, тем наше положение безопаснее. Наивные.

Наконец, мы еще и представители своего биологического вида – их величества *Homo sapiens*'ы. А потому, хотим мы того или нет (вообще не важно, что мы по этому поводу думаем), мы озабочены собственной сексуальностью – все, конечно, по-разному, каждый со своими тараканами, но это неизбежно. Сама мать-природа – с ее гормонами, нейротрансмиттерами, рефлекторными дугами и прочей психофизиологической требухой – требует из подкорковых структур нашего мозга продолжения ее эволюционного банкета: «Плодитесь и размножайтесь!» Тут-то, на сексе, круг наших «жизненных интересов» и замыкается – мы возвращаемся к «деньгам» и «понтам». Какой секс без соответствующих ингредиентов?

Всё, что мы считаем своими «жизненными интересами», есть производное от этих биологических приоритетов – жизни, секса и нашей ценности в глазах других людей. Любая «высшая цель», какую ни возьми, если обнажить ее до психофизиологического основания, – всё те же «секс, деньги и понты». Конечно, не хочется так о себе думать (это бьет по нашей самооценке – то есть по «понтам»), но, с другой стороны, на каких-то естественных основаниях наши «высшие цели» должны были вырасти, какими-то естественными силами в нас они должны питаться? Вот они и выросли, вот и питаются – всё естественно.

Поразмышлять, как мне представляется, нужно о другом. В прежние времена «секс, деньги и понты» представляли собой весьма ограниченный ресурс. За него приходилось бороться, причем не на жизнь, а на смерть, и везло далеко не всем. Само количество материальных благ («денег») до научно-технической революции оставляло желать лучшего, а

сексуальные потребности ограничивались структурой социальных отношений, подавлялись традицией и религиозной моралью. Даже понты – и те были жестко лимитированы: еще совсем недавно, чтобы получить, предположим, доступ к аудитории (например, к эфиру на телевидении), нужно было пройти через семь кругов ада и многократно прыгнуть выше головы. Сейчас для этих же самых целей достаточно мобильного телефона и сайта YouTube, плюс, понятное дело, сделать какую-нибудь отчаянную глупость. И вот тебе уже звонят из программы «Пусть говорят» с неистовым редакторским криком: «Приходите к нам немедленно!»

То есть сама ситуация нашего существования – буквально за пару десятилетий (даже меньше) – радикально переменялась. Возьмем, например, секс: дети теперь могут сызмальства смотреть порнографию в интернете, там же молодые люди с легкостью находят себе разнообразных – всех видов и форм – половых партнеров. В результате десятки и даже сотни «беспорядочных половых связей» – это для современного половозрелого субъекта вовсе не предел и уж точно не новость. Материальные блага – туда же: полки магазинов ломятся от товаров, кредиты позволяют обзаводиться собственностью, о которой наши бабушки и дедушки не могли и мечтать, даже эксклюзивное «лакшери» – и то доступно теперь, пусть и на распродаже, каждому. Про понты и вовсе говорить нечего – интернет и социальные сети уравнили «звезд» и «не-звезд», чем окончательно и бесповоротно разрушили прежнюю социальную пирамиду.

Иными словами, изменения, хотя мы и не вполне отдаем себе в этом отчет, носят революционный характер – меняется сама структура нашей социальной реальности, исчезает ее движущая и мотивационная сила: то, в чем мы реально нуждаемся (биологически, от природы, так сказать), стало доступно для нас в неограниченном, по существу, объеме. С одной стороны, это вроде бы и неплохо – меньше должно быть конфликтов, войн, конкуренции... Фрэнсис Фукуяма волен в очередной раз провозгласить «конец истории», «последнего человека» и тому подобные глупости. Но мы не будем торопиться с выводами.

Как и почему «всё прогрессивное человечество» достигло такого счастливого, почти коммунистического благоденствия – чтобы «от каждого по способности и всем поровну»? Достигло оно этих выдающихся результатов именно потому, что существовал лимит (потребный, так сказать, ресурс был ограниченным): не каждый мог себе подобное роскошество позволить, но все хотели, и в результате шла ожесточенная конкурентная борьба. И кто, по заведенной традиции, побеждал в этой борьбе? Тот, кто обладал специфическим конкурентным преимуществом – неким особенным навыком, обеспечивающим его форой по сравнению с сородичами. В эволюции всегда так – побеждает тот, у кого клыки оказываются чуть больше, ноги чуть быстрее, а крылья чуть поразмашистее. Что это был за навык в нашем – человеческом – случае?

Приглядимся повнимательнее к тому, что мы называем здесь «деньгами, сексом и понтами» – они ведь и сами по себе претерпевали значительные изменения. Со временем человека всё больше интересовало не просто какое-то конкретное материальное благо, не просто физическое совокупление или размер гривы, а определенное символическое к ним прибавление – не еда, а «трапеза», не половое сношение, а «любовь», не страх сородичей перед грубой силой, а их «восхищение». «Деньги, секс и понты», иными словами, виртуализировались – усложнялись и видоизменялись нашим же нарождающимся мышлением.

Таким образом, название навыка, который требовался наши предкам, чтобы биться с себе подобными за ограниченный ресурс, красуется на обложке этой книги: это интеллектуальная функция, грубо говоря – то символическое прибавление к действительности (в виде идей и представлений), на которое способен наш мозг. То есть в борьбе друг с другом за ограниченный и желанный ресурс мы включали голову, развивали свой интеллект, и он в

результате создал всё то благоденствие, о котором мы ведем речь, – саму нашу цивилизацию. Прекрасно.

Но вот всеобщее счастье удовлетворенности наступает, конкуренция за потребный ресурс падает: секса, денег и понтов – вволю. Что будет происходить дальше? Особям больше не нужно вступать в ожесточенную конкурентную борьбу друг с другом – всё доступно и всё позволено. Каждой конкретной особи напрягать мозги в такой ситуации больше нет никакого смысла – ей «и так хорошо». И интеллектуальный ресурс, который не был дан нам биологически – в отличие от «секса, денег и понтов», – а может лишь воссоздаваться всякий раз заново в конкретных мозгах (здесь и сейчас в процессе социальных взаимодействий и той самой конкуренции за потребный ресурс), перестает воспроизводиться. В нём, в самом нашем интеллекте, теперь как бы больше нет нужды: «и так хорошо». Но это «как бы» обманчиво.

Цивилизация, которую мы унаследовали и которая обеспечивает нас всем тем, о чем так долго и так страстно мечтали наши предшественники, создана интеллектом, достигшим своего максимума в конкретных человеческих особях – от Исаака Ньютона и Чарльза Дарвина до Ричарда Фейнмана и Джеймса Уотсона с Фрэнсисом Криком, – блистательной чередой выдающихся умов. Работа этих умов и произвела на свет современную информационную цивилизацию потребления, но, превратившись в чрезвычайно сложную систему, она живет уже сама по себе. Она превратилась в своеобразную супермашину, определяемую лишь своей собственной, неведомой нам внутренней динамикой.

Таким образом, мы оказались в точке своеобразного перекреста: с одной стороны, сама наша цивилизация продолжает по инерции усложняться и требует всё более и более изощренных умов (для разрешения ее всё возрастающих внутренних противоречий), с другой стороны, из-за того, что здесь и сейчас «всё хорошо», изощренным умам совершенно незачем появляться – нет естественной, порождающей интеллект силы. И теперь мы по сути в заложниках: в тот момент, когда интеллектуальный ресурс стал нужен нам так, как никогда прежде, сама система перестала производить условия, необходимые для его генерации.

Если бы наш интеллект был ресурсом биологического происхождения, подобно сексуальному желанию, инстинкту самосохранения, потребности в принятии и поддержке, то, конечно, никакой проблемы бы не возникло. Но интеллект – это производное социальной практики конкретных индивидов: оставьте маленького ребенка на попечение волкам – и никакого *Sapiens*'а вы из него не получите. Да, такой «Маугли» будет хотеть жить и совокупляться, ему будет важно чувствовать себя полноправным членом стаи, но, в отличие от героя кипплинговской сказки, он не произведет из себя ни речи, ни языка, ни тем более человеческого мышления. Его интеллект будет интеллектом дементного больного, или, точнее говоря, интеллектом кроманьонца, чьим мозгом, если лишить нас «культурного налета», мы, в действительности, и обладаем.

Обосновывать важность и ценность человеческого интеллекта, казалось бы, странно – все вроде бы и так это понимают. Но уверены ли мы, что заметим постепенное исчезновение интеллекта – его истончение, уплощение, деструкцию, если вдруг это начнет происходить? Боюсь, что нет, потому что еще одной важной особенностью интеллекта является неадекватность его оценки носителем данного интеллекта. Попросите знакомого психиатра – пусть он сводит вас в психоневрологический интернат (или устройтесь туда волонтером), и вы с удивлением обнаружите там массу олигофренов (лиц, страдающих умственной отсталостью), которые страшно бахвалятся своей сообразительностью и считают себя намного умнее других.

Да, изнутри самих себя мы не можем адекватно оценить собственный интеллект – его качество, действительные возможности или состояние. Мы всегда думаем, что наш интеллект – о-го-го какой, и уж точно «выше среднего». И это классическая иллюзия «самооценки

интеллекта». Поэтому, если совокупное человечество вдруг по каким-то причинам (например, из-за особенностей той информационной среды, в которой существуют наши мозги) начнет его терять, мы этой утраты просто не заметим. Нам некому будет на нее указать, а мы – сами по себе – её не увидим. Люди умудряются массово предаваться фашизму и религиозному исступлению, так что, поверьте, всеобщее впадение в глупость не выглядит на этом фоне чем-то из ряда вон выходящим.

Причем определенные потери на этом фронте мы уже понесли, о чём свидетельствуют исследования по информационной зависимости, «цифровому слабоумию», «интеллектуальной псевдодебильности» и др. Но, несмотря на это, я искренне считаю, что возможности по развитию каждого конкретного человеческого интеллекта (даже с учетом того, о чем я сказал выше) существенны, а соответствующие усилия по его развитию, по крайней мере пока, всё еще могут быть эффективными. Однако чтобы реализовать этот «план спасения», нам необходимо понимать принципы работы нашего мышления, а они всё еще, хотя ученые и не любят об этом распространяться, остаются зияющим белым пятном на карте современной науки.

Нельзя больше рассчитывать на то, что интеллектуальный ресурс будет возникать сам собой, то есть как прежде – под давлением социальной среды и потребностных ограничений. Эти условия бесповоротно сняты: среда информационной цивилизации потребления больше не производит условий для естественного роста интеллекта в индивидуальных мозгах. И нам ничего другого не остается, как научиться культивировать естественный человеческий интеллект, воспроизводить его искусственно – и не в машинах, а в самих себе и в наших детях.

Собственно, всё, что я сейчас делаю в своих статьях на «Снобе», это пытаюсь привлечь внимание к данной проблеме. Мы переживаем усложнение цивилизации, приводящее к радикальному изменению информационной среды, и изменения эти, к сожалению, никак не способствуют воспроизводству естественного интеллекта, а, скорее, наоборот. При этом, по крайней мере пока, у нас нет средств искусственного воспроизводства интеллекта в реальных человеческих мозгах, и даже понимание самих этих мозгов до сих пор, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Если представить теперь всё, что я пишу, не как отдельные тексты, а как одну большую книгу, то мои публицистические статьи – это что-то вроде главы «Об актуальности», а методология мышления – это уже основное содержание этой книги, и именно ей посвящены отдельные мои тексты («Складка времени. Сущность и критерии», «Методология мышления. Черновик», «Что такое мышление? Наброски», «Пространство мышления. Соображения», «Что такое реальность? Версия»). Надеюсь, что благодаря публицистическим статьям они покажутся читателю заслуживающими внимания.

Появление «черных лебедей» хоть и не предсказуемо, но и не случайно. Именно в тот момент, когда мы теряем бдительность и доверяемся системе, начинается время «черных лебедей». Когда конкретно они прилетят и чем это закончится – неизвестно, но важно то, в каком состоянии мы их встретим, что мы будем собой на этот момент представлять.

* * *

Настоящее издание объединяет в себе публикации, подготовленные для журнала «Сноб» и посвященные значению интеллектуального ресурса в системе современной мировой экономики. Надеюсь, мне удалось обосновать по крайней мере актуальность этого вопроса, хотя, конечно, сама эта тема заслуживает куда более глубокого и предметного рассмотрения.

Я искренне признателен журналу «Сноб» и лично его главному редактору Лике Кремер за всемерную поддержку, заинтересованность и дружеское участие. Наконец, я бы хотел от всего сердца поблагодарить автора «Философского послесловия» доктора философских наук Вячеслава Вячеславовича Корнева за полемический и весьма содержательный текст, который завершает эту книгу.

Summary

Сейчас большие тексты не читают, а мой получился неприлично длинным (я честно сокращал его изо всех сил), поэтому, с вашего позволения, начну сразу с выводов, а там уж как пойдет – может, и прочтаете.

Первое (вполне себе тривиальное): денег в прежнем и привычном нам понимании больше нет, нынешняя экономическая реальность поддерживается валютой под названием «доверие», но валюта эта переживает упадок, от которого уже никогда не оправится.

Второе (методологический взгляд): экономика всю историю человечества представляла собой попытку овладения будущим – через товарный контроль будущего, денежный, через «доверие», а сейчас нарождается новый способ управлять будущим – «интеллектуальный ресурс» (определения в тексте). Без понимания того, что такое психология будущего, изучать и оценивать современную экономику бессмысленно.

Третье (собственно, самое важное): «интеллектуальный ресурс» (см. определение) – валюта будущего, причем куда более фактичная, нежели деньги (какими мы их некогда знали), но и куда более виртуальная, нежели погибающее на наших глазах «доверие», в связи с чем я и пытаюсь сформулировать критерии, определяющие сущность «интеллектуального ресурса». К сожалению, пока именно и только это является доступным и возможным методологическим ходом.

Кризис 2008 года, нынешние события на Украине и в Фергюсоне, ИГИЛ¹ и «китайский поворот», а также то, чему мы станем свидетелями в самом ближайшем времени, – звенья одной, хотя и крайне запутанной цепи. Но есть серьезное подозрение, что пока никто толком не понимает, насколько радикальными окажутся эти грядущие перемены. Нам просто этого не представить.

Предваряя текст, я должен, кроме прочего, извиниться перед профессионалами в области экономики и финансов за ту вольность (кто-то скажет – неаккуратность), с которой я буду пользоваться дорогими их сердцу терминами и концепциями. Какие-то ошибки и неточности неизбежны, ведь я рассуждаю как методолог, и поэтому главная моя цель – не экономический анализ, а фиксация ситуации, выявление ее структуры и оценка динамики соответствующих процессов (уверен, что сейчас именно такой анализ и представляет наибольшую ценность). Надеюсь, что все это мне зачтется, на чьи бы мозоли я по неосторожности ни наступил.

Приятного чтения...

¹ Организация запрещена на территории РФ.

Кризис «капитала 2.0». Навстречу новой реальности!

Мир Карла Маркса – мир «Капитала 1.0» – умер. Категорически

В 2008 году мировая читательская аудитория, напуганная волной наступающего кризиса, продемонстрировала ажиотажный спрос на «Капитал» Карла Маркса. Но вряд ли основателю марксизма такое внимание могло бы польстить: сама эта интенция свидетельствовала о предельной неадекватности интересантов, а иметь среди поклонников толпу восторженных идиотов – это, согласитесь, не самая завидная участь.

Искать у Маркса ответы на вопросы об упомянутом кризисе было, конечно, пустой тратой времени: и экономика, и сам мир, который Карл Генрих со всем возможным размахом и тщанием концептуализировал в знаменитых «экономических записках», давно канул в небытие. Маркс был и навсегда останется гением методологии, но его экономическая теория, и тут от всяких иллюзий следует избавиться, безнадежно устарела.

Куда точнее было бы, наверное, обратиться в 2008-м к Жану Бодрийяру (перечитать, например, его полную парадоксов книжку «К критике политической экономии знака»), а также к Фрэнсису Фукуяме времен «Доверия» и «Великого разрыва». Причем их следовало бы читать именно так – сразу обоих, в параллели. И конечно, этот коктейль снес бы читателю голову, да и к тому же не дал бы ответы на поставленные вопросы... Но, по крайней мере, это было бы чтиво по теме.

Впрочем, уже и логика Бодрийяра – Фукуямы успела устареть. Время на наших глазах драматически сжимается: мир, где еще совсем недавно царствовали искусственные финансовые инструменты, экономика потребления знаков и прочее бла-бла-бла, стремительно превращается в тень самого себя. Кажется, что хоть какое-то теоретическое представление о грядущем должны иметь анархисты, но способность к концептуализации никогда не была их сильной стороной.

Мы стоим на рубеже очередного кризиса, возможно, несопоставимого по масштабам с предыдущими. То, что будет происходить далее, по сути, является системным «уровневым переходом»: товарно-денежный капитализм Маркса – Энгельса и наследовавший ему социально-знаковый капитализм Бодрийяра – Фукуямы радикально изменили саму структуру современного человеческого сознания, социальную организацию общества и геополитическую ситуацию, и эти изменения с неизбежностью вытолкнули нас в принципиально новую реальность. Через боль.

Так что сосредоточьтесь, запасайтесь берушами и держитесь за поручни.

* * *

Маркс изучал и описывал мир, в котором на самом деле имели место фактическое потребление и физический товар, более-менее объективная стоимость и реальные деньги, а также осязаемая рабочая сила и, насколько это возможно, внятные экономические отношения. Не так важно, почему все это стало теперь предметом Истории, которую Маркс же, по выражению Луи Альтюссера, и «изобрел», важно понять, что случилось, – зафиксировать указанную смерть.

Основа основ марксистской теории – игра «товара» и «денег», именно из этого отношения рождаются различные «стоимости» (меновая, потребительская, прибавочная и т. д.), а также понятия «труда», «рабочей силы», «средств производства» и проч. Карл Маркс видел перед собой экономическую реальность, где совокупному «товару» соответствовала совокупная «денежная масса» – одно непосредственным образом соотносилось с другим, и возникал тот рынок, который, как нам когда-то обещали, «должен всё исправить». Грубо говоря, в этой экономической реальности, в этом полностью «вещном» мире еще существовали здравый смысл и хоть какие-то рамки – «деньги – товар», «товар – деньги». Но в середине XX века он начал сдавать свои позиции под натиском узаконенного обмана, когда в классический обмен включилась «фикция».

«Эпоха потребления» – название неслучайное (а если и придумалось кем-то случайно, то крайне удачно): оно прямо указывает на степень адекватности (точнее – неадекватности) нашего с вами потребления. Последнее продиктовано ризомой вмененных нам желаний, а не фактическими потребностями человека, и потому не имеет более естественных, фиксирующих его *границ*. Сам товар потерял прежнюю «осязаемость», им стали «знаки»: потребителю больше не так важна «физика» приобретаемого объекта, как важно то, что он *значит* (как, например, символ экономического статуса, той или иной групповой принадлежности, социокультурного соответствия и т. д.). Иными словами, товары больше не «товары», а *представления* об этих товарах, вложенные в них же. Что такое «модная» или даже просто «красивая» одежда? Нет, мы больше не платим за одежду (как Маркс с его бесконечными сюртуками), мы платим за это «модно-красивое», то есть – за представление, находящееся в наших собственных головах. Иначе говоря, даже в таких, очень тривиальных, случаях, мы платим за фантазм, в нас же, за наши же деньги, кстати сказать, и сформированный.

Но что в подобных обстоятельствах происходит на более высоком уровне экономической иерархии – там, где крутятся основные деньги? Маркс понимал капитал как самовоспроизводящуюся стоимость (конкретно – как совокупность «средств производства» и «рабочей силы»). Сейчас же этой самовоспроизводящейся стоимостью обладают акции, облигации, фонды, страховки, фьючерсы, структурированные ноты, депозиты и даже, например, предметы искусства или недвижимость. Уникальность этого «капитала» заключается как раз в той бесстыдной наглядности, с которой он описывает нашу с вами «потребительскую реальность» – мы, по существу, приобретаем виртуальный товар за виртуальные (поскольку они выключены из реального оборота нашего потребления) деньги. Но даже это безобразие – ничто в сравнении с главным, может быть, на сегодня «товаром» – влиянием. Экономическое, политическое, идеологическое, социальное, психологическое и проч. (все разновидности власти) влияние – самый распространенный, дорогой, ликвидный и не существующий в объективной действительности товар. Именно этим товаром, при помощи СМИ прежде всего, торгуют транснациональные корпорации, государства и межгосударственные союзы.

Специфика всего этого нынешнего «товара», относящегося, разумеется, уже к сфере «Капитала 2.0» (Маркс надевает свой сюртук в «20 аршин холста», отходит в сторону и нервно раскуривает сигару), принципиально изменяет само существо «стоимости» и «обмена» – ключевых элементов марксистской теории. Причем стоимость превращается в нечто предельно неопределимое не только по причине виртуализации фактической ценности товара (сколько, например, стоит патриотический настрой граждан или брендовая одежда, в действительности пошитая в Бангладеш?), но и по причине виртуализации того, что когда-то называлось деньгами. В Марксовом мире «деньги», как известно, выполняли роль «универсального эквивалента стоимости». Понятно, что с крахом феномена стоимости идея ее эквивалента уже не может быть перспективной. Но ситуация на самом деле куда сложнее...

Давайте попытаемся понять, что такое деньги, когда львиная их доля находится в безналичном обращении. По сути, происходит не движение денег, а движение информации о ситуациях (где «ситуация» – это то, что когда-то могло называться «финансовым положением» того или иного конкретного лица, включая лица «юридические»). Нам удобнее думать, что происходит следующее: к нам на счет приходят деньги (нам перечисляют заработную плату, мы что-то продаем или берем деньги в долг – ипотека, потребительские кредиты, кредиты на производство и т. п.), а дальше мы расплачиваемся этими деньгами за товары и услуги. Но в действительности всё выглядит несколько иначе: наш условный работодатель (или, например, банк) сообщает «к сведению всех заинтересованных лиц», что мы востребованы, а значит, являемся игроком на экономическом рынке, причем с каким-то условным коэффициентом успешности. Далее, уже с учетом этого коэффициента, мы имеем право претендовать на какие-то ценности, находящиеся в рынке (включая пресловутую «рабочую силу»). То есть происходит не подразумеваемый обмен товара на деньги, а лишь, по большому счету, сравнение моих коэффициентов с коэффициентами других людей – сколько *они* могут взять из общей копилки благ, а сколько я.

Здесь вода становится предельно мутной, поскольку указанные коэффициенты имеют свойство мультиплицироваться, причем подобно раковым клеткам (что, впрочем, совсем не удивительно, ведь мы находимся в области, где никаких физических барьеров, которые бы могли этот процесс ограничивать, – за исключением неких условностей, принятых в данном экономическом сообществе, – не существует). Чем лучше информация, заявляемая обо мне моим работодателем (или банком, например), тем выше дополнительный коэффициент, на который я могу рассчитывать. Постепенное улучшение моего коэффициента позволяет мне обменивать свои коэффициенты на долю участия в капитале тех или иных компаний, получать право собственности на недвижимость и т. д. и т. п., причем сделать все это множество раз (постоянно «сообщая» о том, как велик мой удельный вес в рынке и как он невероятно прирастает). Всё это – в конечном счете и в свою очередь – улучшает мою позицию в общем списке людей, чьи коэффициенты считаются, а считаются они у подавляющего большинства граждан (у лучших из лучших они, как известно, и в самом деле подсчитываются – журналом *Forbes*, например, – и именно эти люди занимают первые строчки нашего общего рейтинга).

Таким образом, прежняя связь между деньгами как эквивалентом стоимости и товаром как ценностью не существует более в принципе, это лишь пустынный мираж (экономисты, впрочем, придумали, как и ему придать вес: через так называемые «денежные агрегаты» – M_1 , M_2 , M_3 , L). Все пункты Марксовой доктрины, что мы, мол, возьмем все деньги и все товары, всё друг с другом соотнесем и что-то там получим, – не имеют к нашей экономической реальности абсолютно никакого отношения. Последний раз этот фокус провернул Шарль де Голль, заставив США обменять их макулатуру на золото, после чего ФРС задраила иллюминатор на своей подводной лодке навсегда, а в 1971 году президент Никсон официально сообщил, что всплытия более не последует. То есть реальность переменялась окончательно и бесповоротно: сейчас какая-то информация обменивается на какую-то информацию, а не товар на деньги, и уж тем более не товар на товар. Впрочем, и сущность последнего больше невозможно верифицировать – что там сам товар, а что технологии и «знаковость», заключенные в нем, и еще важнее – не становишься ли ты сам «товаром» (как «пользователь», «абонент», «подписчик», «зритель», «фанат», «заемщик» и т. д.) в момент покупки чего-либо (то есть не покупают ли тебя самого в тот момент, когда тебе кажется, что ты что-то приобрел)? Но откуда черпается вся эта распрекрасная «информация», ведь, в конце концов, какой бы она ни была, даже ее надо откуда-то вычерпывать? В реальности виртуальностей никаких проблем с этим, по понятным причинам, нет.

В современном мире все материальные ресурсы оценены в деньгах (коэффициенты к коэффициентам) – земли, их недра, вся движимая и недвижимая собственность, вся инфра-

структура (включая дороги, мосты и прочие объекты), весь транспорт (наземный, железнодорожный, воздушный и водный), все производства, сельскохозяйственные насаждения и промысловые территории. А еще во всем этом есть и интеллектуальная собственность... Кроме того, измерены деньгами вода, леса, а также воздушные коридоры, радиочастоты и орбиты для спутников, не считая объектов и предметов культуры, стоимость которых непоставима с их, грубо говоря, физической ценностью. Разумеется, все эти «товары» не могут быть одновременно выставлены на продажу (в противном случае они бы, буквально, ничего не стоили, а еще точнее, они бы имели катастрофическую отрицательную стоимость, обусловленную издержками владения, – посмотрите на цены на недвижимость в Детройте), однако все они вместе с тем существуют в упомянутых коэффициентах: наше финансовое состояние, равно как и финансовое состояние предприятий (а отчасти, и государств), определяется не из этой фактической – нулевой (или даже отрицательной) – стоимости, а из ложной – «рыночной». Впрочем, Найл Фергюсон куда лучше меня иллюстрирует этот глобальный обман в своем блестящем «Восхождении денег».

Стоимость компаний и ресурсов, а также соответствующих финансовых производных (взаимно друг друга умножающих) рассчитывается, как и наши с вами индивидуальные коэффициенты, по таким же фиктивным показателям: за основу берутся математические модели и абстрактные мультипликаторы, отражающие не фактическую стоимость «бизнеса», а будущую, т. е. еще не существующую стоимость (исходя из той прибыли, которая *теоретически* «должна возникнуть», но при данной оценке виртуально существует уже как бы сейчас). Эта механика расчетов, напоминающая финты фокусника со шляпой, позволяет собственникам соответствующих компаний и ресурсов весело сообщать «всем заинтересованным лицам», что их коэффициент заоблачен, а потому они готовы к следующей итерации роста – то есть к новому кредитованию. Так формируется «материальная база» для перманентной инфляции денежной массы, которая дальше с тем же успехом многократно реинвестируется в столь же фиктивные, по существу, ценности. И понятно, что эта «денежная масса» – не деньги, а информация о ситуациях, где каждый из нас есть такая «ситуация», такой мультиплицированный коэффициент.

Наконец, верху всей этой «денежной» пирамиды находятся государства с их центральными банками, кредитно-денежной политикой, внешними и внутренними долгами, реинвестированными «фондами» и «резервами», эмиссиями национальных валют, валютными коридорами, социальными обязательствами, ГИФами и инвестициями в инфраструктурные проекты, военными бюджетами, инфляцией и формально-математически рассчитываемым ВВП – то есть представляют собой самые большие информационные пузыри, которые, так же как и мы с вами, простые граждане, находятся во взаимном сговоре. Причем именно государства и являются тем центром (центрами), который санкционирует и одновременно скрывает всеобщий самообман и гарантирует ничем не обеспеченный долг, захватывающий и мультиплицирующий будущие периоды – то есть фатально приумножающуюся инфляцию денег как таковых. В конечном итоге, хотя в обиходе мы и продолжаем пользоваться деньгами (*как если бы* они были таковыми), эти «деньги» из нашего обихода составляют лишь самую незначительную часть того, что считается деньгами – теми самыми, играющими друг с другом в математику «коэффициентами ситуаций». В общем, всё это один большой, точнее, даже не большой... Гигантский долг.

Но отставим чуть в сторону этот финансово-математический шабаш и вспомним о любимом Марксом товаре – «труде» нашем... Согласно основателю учения своего имени, труд в виде рабочей силы приобретался некогда капиталистом с тем расчетом, чтобы впоследствии получить с его помощью и присвоить себе возникшую «прибавочную стоимость». Однако же в ситуации, когда вся экономика производств определяется заемными средствами, реинвестированными в производство, а фактический доход работника – в значительной сте-

пени теми заемными средствами, который он получил в кредитных организациях, будучи просто трудоустроенным, считать его «рабочей силой» в прежнем понимании этого слова невозможно. Даже если «прибавочная стоимость» на каких-то производствах, по бумагам, и возникает, она полностью перекрывается фиктивной денежной массой совокупного долга, циркулирующей в обороте тех же предприятий. То есть при всем желании здесь нет никакого выхода ни в какую соотнесенную фактичность, а значит, и нет границ для инфляционной экспансии.

Похороны известного нам мира – мира «Капитала 2.0». Литургия

Думаю, что всё это объясняет, почему в 2008 году надо было читать не Маркса с Энгельсом, а Бодрийяра с Фукуямой. Обратимся к ним...

Жана Бодрийяра упрекают в парадоксальности и даже антинаучности взглядов, ведь концы с концами в его теориях, вроде бы как, не сходятся, причем драматически. Но именно в этом несхождении и состоит реальность, которую он описывает, – реальность «симуляции» и «симулякров». Здесь действительно одно с другим «не бьется» никак, но это именно тот самый случай, когда следует воскликнуть старорусское: «Неча на зеркало пенять, коли...». При всей своей странности эта бодрийяровская формула несхождения, а точнее даже – радикального расхождения теоретических концов, – и есть модель современной экономики «Капитала 2.0» (остается только удивляться гению Бодрийяра, описавшему эту реальность еще в 1972 году – то есть задолго до появления основных симптомов болезни): фактически речь идет о полной трансформации самой сути товара, что не позволяет думать о нем в прежней логике «обмена», «стоимости» и т. д.

С другой стороны, можно было бы, наверное, усомниться и даже возмутиться – мол, если реальность в действительности такова, то как вообще всё это расхлябанное безобразие держится на плаву? И именно на этот вопрос отвечает заряженный парадоксальным, хотя и объяснимым, американским оптимизмом Фрэнсис Фукуяма (объяснимым – потому что американским): всё дело в «доверии». К сожалению, политэкономическому таланту Фукуямы не хватает геополитической смелости – его исследования всегда тяготеют к региональности, а потому разрабатываемые им концепции вроде как касаются отдельно взятых сообществ внутри глобальной системы, а не системы как таковой. Однако если экстраполировать логику его политэкономии (а именно так он себя и рекомендует – как политэкономиста) с экономической системы на финансовую (тут, при всей странности этой формулировки, именно так и следует говорить), то ответ на вопрос о ржавом гвозде, на котором «всё держится», именно таков – *доверие*.

Понимаю, что ответ выглядит, мягко говоря, несерьезным – слишком уж велики ставки, но другого «гвоздя» у нас, к сожалению, нет, и судя по всему, Фукуяма прав (что оптимизма – особенно нам, россиянам, – тем более не прибавляет). Только прислушайтесь к сводкам экономических новостей – это слово, хоть и незаметно (слишком уж оно стало привычным), звучит в них постоянно: банки, компании и целые государства перманентно борются за *доверие* (которое непрестанно и невротично колеблется) вкладчиков, инвесторов, кредиторов и т. п., *доверие* к валютам фактически определяет современную геополитику, *доверием* живы и биржи, и фонды – в общем, вся современная экономика. Падение доверия и полный финансовый крах – это теперь фактически синонимы (если не тавтология). Сами по себе товары и деньги – без этого «секретного ингредиента» – уже более не стоят ничего, полный нуль. Вот почему современная валюта рынка – это не деньги, а деривативы того же самого «доверия» – в первую очередь кредитные рейтинги, в качестве эмитентов которых выступают международные агентства (Standard & Poor's, Moody's, Fitch Ratings и др.) и не международные тоже. Но это лишь верхушка айсберга, ведь есть еще и доверие – порождающее стоимость – к публикуемой финансовой отчетности, государственной статистике, заключениям аудиторских компаний, мнению всяческих комиссий (всё на свете лицензирующих и сертифицирующих), а также к научным исследованиям, социальным опросам и т. д. и т. п. в прогрессии. Но и это всё – лишь малая часть общей системы «Капитала 2.0», имя которому – «доверие».

Так стоит ли нам читать Маркса (по крайней мере, как экономиста-теоретика), учитывая тот факт, что в его многостраничном «Капитале» слово «доверие» встречается лишь

однажды (причем в цитате из отчета «английских фабричных инспекторов»), а в упомянутых современных нам новостных сводках – через абзац?.. С другой стороны, разве не свидетельствует этот нервный припадок обсуждения «доверия» о том, что уже и для «Капитала 2.0» настали непростые времена? Законы психологии должны работать в любой части вселенной, образованной этой психологией, а потому, поверьте мне как профессиональному психотерапевту, если с вами стали вдруг навязчиво говорить о доверии (сколь угодно деликатно и даже убаюкивающе) – вам перестали доверять.

Но давайте вслушаемся в слова Стивена Кови-младшего, который, четко следуя конъюнктуре (они с батюшкой большие мастера этого дела – чувствовать конъюнктуру), строит свою новейшую парадигму «экономического консультирования» уже не на семи-восьми навыках эффективности, о которых столько твердил Кови-старший, а на понятии «скорость доверия», называя доверие «прагматическим, материальным и работоспособным активом, который вы можете создавать, причем гораздо быстрее, чем могли предположить». Главное здесь – это формулировка «материальный актив», а вот то, что заставляет поежиться, – это специфика его производства:

«создать быстрее, чем могли предположить». Действительно, если доверие стало универсальной валютой и, по сути, универсальным эквивалентом стоимости, то возможность «создать доверие», да еще со скоростью, которую «сложно предположить», вызывает явные ассоциации с «нелегким трудом» фальшивомонетчика. Впрочем, Кови – ни старший, ни младший – не виноваты, они, видимо, просто по наивности называют вещи своими именами.

Конечно, все финансисты мира эту правду знают, но всячески игнорируют – кто-то рассудочно и вполне осознанно, кто-то бессознательно вытесняя психотравмирующие переживания (спасибо психоаналитической теории), кто-то по механизму «стокгольмского синдрома», а кто-то просто предпочитает об этом не думать, – но их работа, к сожалению, одно сплошное надувательство (деликатность этого слова подсказана устоявшимся понятием «мыльный пузырь»). Нет, не то чтобы они специально хотели кого-то облапошить (такие, впрочем, наверное, тоже есть), просто их *личный* доход – зарплаты, бонусы, опционы, акции, «золотые парашюты» и черт знает что еще – зависит от успешности цифр в годовой отчетности плюс совокупного роста мирового финансового рынка. За хорошие цифры им платят, за плохие – нет, но при этом *они же* эти цифры и формируют! То есть это как выписывать самому себе зарплату... Теперь поставьте себя на их место: что делать – завышать или не завышать? Показывать все риски или только те, которые невозможно скрыть? Предельно здраво смотреть на вещи или с того ракурса, с которого они выглядят лучше?

Задайте себе эти и еще тысячу других вопросов вокруг да около – например, о том, что будет с экономикой и простыми гражданами, если не загонять экономические показатели вверх, то есть – сколько будет потеряно рабочих мест, сколько конкретных лиц лишится конкретных благ, если показатели поползут вниз и случится очередной кризис... В общем, логика самооправдания тут примерно такая – кого они обманывают, если всем в результате хорошо (или, например, лучше, чем могло бы быть)? Наконец, все эти прекрасные финансисты находятся ведь не в какой-то безвоздушной среде, а среди себе подобных, и если правила игры таковы (и все, все-таки, по существу, быки, а не медведи), то нельзя отойти в сторону и сказать – мол, это неправильно, я так не играю. Тебя тут же вычеркнут из числа приглашенных – причем с прибытком и без всякого сожаления. То есть сами финансисты заложники своей же пирамиды – виноваты все вместе, осознают вину, но по отдельности могут (и неизбежно будут) продолжать грешить, в соответствии с прикупленной индульгенцией. Ну и, в конце концов, – у них там, внутри, в этой финансовой олигархии, – дураков нет, все всё понимают, рука руку моет и т. д. То есть в чем обман-то, если они все друг друга поддувают в рамках установленных правил? Нет, финансисты не обманщики, они в какой-

то части своей лжи даже добрые самаритяне. Что, впрочем, не отменяет того факта, что вся современная валюта – «доверие» – зиждется на обмане.

Мы до сих пор не знаем, чем мозг человекообразных обезьян принципиально отличается от человеческого, но вот что мы знаем точно: главный и первый способ доказать, что обезьяна разумна, – это дать ей в эксперименте шанс кого-нибудь осмысленно и продуманно обмануть. Исполняют на отлично.

Увидев эти эксперименты, сомневаться в разумности приматов не сможет даже папа римский. Но это лишь первая ступень человечности – да, обман, но что поделаешь? – родовая эволюционная травма, в каком-то смысле. Высшая же ступень кажется еще более забавной: как показали специальные исследования, студенты-экономисты лидируют среди студентов других направлений по «недоверию» (то есть, добавлю от себя, всегда подозревают окружающих в обмане, а значит, и сами готовы к соответствующим действиям). Странно ли, что молодые люди именно с этими психологическими качествами выбирают финансовый сектор? Что представляет собой финансовый сектор, если такие люди его выбирают? И наконец, насколько надежной нам следует считать систему, валютой которой является «доверие», а акторами которой – лица, склонные к обману и уверенные в том, что их всегда пытаются обмануть?

Что ж, самое время взглянуть на выводы тщательных и системных исследований феномена «доверия», проведенных товарищем Фукуямой... К каким умозаключениям он приходит? Во-первых, доказывает Фукуяма, доверие как физическое близкодействие распространяется только на очень ограниченный круг понятных нам людей – семья, профессиональная команда на предприятии, религиозное объединение и т. д., и чем шире этот круг, тем сила «доверия», напротив, слабее. Во-вторых, какой бы ни была группа, всегда обнаруживаются индивиды (не верящие в «добро», «Бога» и оправданность «общественного договора»), которые стремятся нарушить соответствующие правила (студенты-экономисты вместе с шимпанзе-обманщиками нарочито нам подмигивают). В-третьих, для того чтобы «доверие» работало, необходима иерархия – такова уж, надо себе в этом признать, наша природа: если над нами никто не стоит и нам, соответственно, некого «побаиваться», мы, даже не будучи социальными девиантами из второго пункта, вряд ли станем следовать правилам слишком усердно (всё это тоже доказано в экспериментах социальных психологов).

Так может, прав был Фукуяма, ограничивая себя при исследовании «доверия» региональным принципом? Взгляд с другого, более высокого – финансового – этажа начисто лишает «доверие» каких-либо положительных коннотаций: то, что для китайской патриархальной семьи – благо (о чем нам Фукуяма и рассказывает), ахиллесова пята и ящик Пандоры современных финансовых рынков. При сопоставлении выводов Фукуямы с устройством глобальной мировой экономики и вправду становится не по себе. На секундочку представьте себе тех, кто стоит на вершине этой иерархии (той самой, фукуямовской)... Что они думают о «доверии» и как они им пользуются? Что вообще – какие «моральные принципы» и какие «In God we trust», написанные на макулатуре, – способны удержать их в рамках какой-либо добропорядочности, учитывая деньги, стоящие на кону? Впрочем, с некоторых пор это даже не вопрос денег (указанным лицам лучше других известно, что циферки на электронных счетах – абсолютный и дешевый блеф), это вопрос амбиции, азартной игры – чего-то совершенно новенького в рамках экономической теории. Нет, конечно, на рынках играли всегда, но сейчас, играя миллиардами долларов, никто даже не задумывается о том, какие это на самом деле огромные деньги, то есть это больше никак не связанная с реальностью компьютерная игра с запасными жизнями. Какое вообще отношение может иметь такая игра к физически существующей экономике? Что здесь «деньги»? Что «товар»? Что «стоимость»? Да ничего. Одна сплошная «воровка на доверии».

Первым предвестником скорого конца «Капитала 2.0» стал печально известный фонд Long-Term Capital Management (его историю рассказывает Роджер Ловенштайн в книжке с говорящим названием «Когда гений терпит поражение»). LTCM использовал инвестиционную стратегию, разработанную, что само по себе примечательно, двумя лауреатами Нобелевской премии – Робертом Мертоном-мл. и Майроном Скоулзом (они, кстати сказать, одновременно являлись и участниками LT). Причем стратегия эта держалась в абсолютном секрете: не в курсе были ни инвесторы, ни даже брокеры (вы задумайтесь, насколько абсолютное, слепое и глупейшее доверие!). А суть этой стратегии состояла в банальной спекулятивной игре на свопах и спредах с использованием огромного кредитного плеча. Когда Фонд сделал ставку на сближение спредов по европейским гособлигациям (Европа как раз готовилась к переходу на единую валюту), он показал годовую доходность почти как у «МММ», но когда последовал азиатский кризис 1997 года, а потом и российский 1998-го, LT был вынужден действовать активнее, чем обнаружил свою инвестиционную логику, и рынок тут же сыграл ровно тем же способом, но уже против LT. Это был удар наотмашь: с математической точностью рассчитанные спреды и свопы, порождавшие доходность из ничего, на предельной «скорости доверия» превратили в прах компанию с активами в 100 миллиардов долларов.

Опыт LTCM показателен по многим причинам, но, возможно, главная из них следующая: доверие (по крайней мере, в сфере финансов) – сила столь же могущественная, сколь и неуправляемая, то есть вы вообще не можете *это* контролировать. Собрать на рынке 100 миллиардов под имена нобелевских лауреатов и потерять их там же по совершеннейшей же, надо признать, глупости (слепому *доверию* к математическим моделям!) – это и есть новая реальность «Капитала 2.0». Прежний товар, прежние деньги, условно говоря, существовали физически, а потому не могли исчезнуть все и сразу. Даже падая в цене и покупательной способности, они создавали некий тренд, как-то вокруг него колебались – это был процесс, предоставлявший возможности для маневра. Но с доверием ситуация принципиально иная – оно подвержено тотальной и мгновенной инфляции. Когда мировые рынки добровольно шли в заложники к этому принципиально новому (в противовес Марксовым деньгам) универсальному эквиваленту стоимости – к фукуямовскому доверию – они были буквально счастливы: жить в мире доверия, разве это не прекрасно! Но никому и в голову не пришло, насколько этот новый универсальный эквивалент стоимости окажется уязвимым для собственной инфляции – мгновенному обесцениванию. Вот что на самом деле значит «скорость доверия», являющаяся очевидно двунаправленной, о чем впрочем, Кови, кажется, совершенно не в курсе.

Играть на доверии пытались еще несколько раз – например, печально известный «пузырь доткомов» (ошеломляющий рост капитализации интернет-компаний, не приносящих и часто, даже в теории, не способных принести существенной прибыли). Но тогда, в самом начале 2000-х, круговая финансовая порука, являющаяся сущностью нового «Капитала 2.0», еще не достигла предела и пузырь поспешил лопнуть, едва надувшись. Однако «скорость доверия» – штука сильная, так что с тех пор постигшая нас глобализация (всеобщая финансовая взаимозависимость) действительно стала тотальной. Чтобы представить себе эффект глобализации с предельной наглядностью, я воображаю судьбу двух маленьких островов, затерявшихся в Мировом океане – древние репануйцы могли что угодно вытворять со своим островом Пасхи, могли самоуничтожиться, как им заблагорассудится, и это не значило для мира ровным счетом ничего, однако крушение всего лишь трех исландских банков в 2008 году – вообще, островочек на островочке, – нанесло колоссальный удар по всей мировой экономике. Валюта «доверия» завершила процесс глобализации за несколько лет и стала более мощной силой, нежели фактический транснациональный бизнес, которым нас все так пугают и который, кстати сказать, оказался у нее в тех же самых заложниках.

Мир, который все мы когда-то знали, пережил процесс полной оцифровки – он унифицирован и превращен в модель самого себя, что обеспечило абсолютно беспрепятственное движение обмена взаимными *долгами*. Всякие «физические ограничения», которые еще хоть как-то существовали в «Капитализме 1.0», в новом – цифровом – мире были полностью стерты. Как писал в «Симулякрах и симуляции» Жан Бодрийяр: «Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне сама карта предшествует территории, именно она порождает территорию». Иными словами, не фактическая экономика порождает теперь финансовую сферу, а *как бы* отражающая ее финансовая сфера определяет экономику, по сути, и является ею, но уже вне всякой фактичности, параллельно этой фактичности – в мире виртуального. Естественно, что это изменило саму суть «капитала», но осознать этого мы не успели (оставаясь в плену своих прежних представлений о «деньгах», «стоимостях» и т. д.) – все произошло буквально за одно десятилетие начала XXI века: от пузыря доткомов мы смело шагнули к казавшемуся поначалу почти фатальным кризису 2008 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.